

стороны разлагавшихся рабовладельческих обществ, которые сами шли навстречу феодальному строю. Но якутское общество таких влияний до прихода русских не испытывало. Откуда же взялся бы здесь самобытный феодализм и почему развитие должно было бы отклониться от «нормального» пути? Фактический материал подтверждает, что развитие шло в сторону роста рабовладельческих отношений. О феодализме факты ничего не говорят. Зачем же предполагать его существование, неправдоподобное теоретически и не вытекающее из конкретного материала?

По поводу этого пресловутого якутского феодализма я должен еще сказать следующее: когда я начинал свою работу над общественным строем якутов XVII в. (в 1933 г.), я сам исходил из предвзятой схемы феодализма и долго пытался уложить фактический материал в эту схему. Лишь окончательно убедившись (в конце 1934 г.), что факты в эту схему не укладываются, я вынужден был ее отбросить. Вот почему я и теперь не могу принять совет, даваемый мне моим рецензентом, — «более определенно признать наличие... феодальных отношений».

Я, конечно, не считаю, что разрешил в своей книге окончательно проблему социального строя якутов в XVII в. В нем много остается неясностей, и мои выводы могут в дальнейшем оказаться ошибочными. Но возражения Б. А. Гарданова, думается, не обнаружили этой их ошибочности.

С. А. Токарев

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Этнографическая литература, вышедшая за последнее десятилетие в США, ярко свидетельствует о широком распространении и значительном влиянии психологического направления в современной американистике. На это указывают и некоторые из американистов, например, Лесли Уайт и Бетти Меггерс, подвергшие критике это направление. «За последние годы, — пишет Уайт, — антропология, по крайней мере в Америке, совершенно отошла от изучения культуры ради исследований личности и реакций человеческого организма. Антропологи оставляют культуроведение ради психологии, психоанализа, психиатрии, глубокой психологии, психологических тестов, анализа снов и т. д.»¹. Об этом же пишет и Меггерс в статье, на которой мы остановимся ниже. Сторонниками психологического направления являются такие видные этнографы Америки, как покойный Эдуард Сэпир, Александр Гольденвайзер, Руфь Бенедикт, Ральф Лантон, Маргарита Мид, Кора Дю Буа и др. Линтона и Сэпира можно было бы назвать теоретиками этого направления. Их методологические положения сводятся в основном к одному главному утверждению, а именно, — что индивидуум это — первичное, это единственная объективная реальность, культура же, общество — вторичное, это творение индивидуумов. «Концепция культуры, как она трактуется антропологами-культуроведами, — писал Сэпир, — неизбежно представляет собой нечто от статистической фикции. Эта культура — сверхорганичное, безличное целое — является довольно полезным методологическим принципом для начала, но становится затем серьезным препятствием, по мере развития более динамичного изучения генезиса и развития культурных образцов, потому что эти последние в действительности неотделимы от организации мыслей и чувств, составляющей индивидуум»². По Сэпиру выходит, следовательно, что культура — это идея, методологический принцип, который может служить только как отправный пункт. В действительности же существуют только культурные образцы, которые «определяются организацией мыслей и чувств отдельных личностей»³. Любимая фраза Сэпира: «Существует столько же культур, сколько индивидуумов в населении»⁴ — прекрасно иллюстрирует эту его концепцию, отрицающую всякую возможность общих законов исторического процесса и утверждающую человеческую природу, как общую причину этого процесса. Отрицая культуру как объективную реальность, Сэпир ввел термин «культурные образцы», определяемые свойствами отдельного индивидуума, а не ходом исторического движения. Индивидуум с его мыслями и чувствами признается единственной объективной реальностью. Изучая эту реальность, этнограф должен прибегать к помощи психиатра; однако, Сэпир допускает, что «психиатр не может объяснить культурный образец...

¹ Leslie White, Kroeber's «Configurations of culture growth», «American Anthropologist» 48, 1946, N 1, p. 85.

² E. Sapir, Cultural anthropology and psychiatry, «Journal of abnormal and social psychology» 27, 1932, pp. 233, 237.

³ E. Sapir, *ibid.*

⁴ R. Benedict, Obituary of Edward Sapir, «American Anthropologist», 41, 1939, p. 467.

Но если мы,— пишет он,— сможем достигнуть довольно ясного представления о том, как жизни «А» и «В» взаимно переплетаются в комплексе объяснимого опыта, тогда мы приблизимся к реалистическому, а не метафизическому определению того, что подразумевается под культурой и обществом»⁵. Выходит, что переплетение чувств и мыслей индивидуумов «А» и «В» определяет состояние общества. Это же положение развивается Линтоном, который считает, что «культура получает все свои качества от отдельных индивидуумов»⁶. «Я считаю,— пишет он,— что без работы психолога мы никогда не достигнем большего, чем поверхностное понимание культурных процессов. Мы бойко обсуждаем явления культурного изменения, но склонны забывать, что это изменение в конечном анализе состоит из изменений наклонностей и привычек индивидуумов, составляющих общество»⁷. Приведем еще взгляды одного из старейших этнографов Америки, Гольденвайзера. В статье с весьма примечательным названием: «Почему я не марксист», он писал: «Я индивидуалист и в качестве такового я ставлю индивидуума и в начале и в конце социального процесса»⁸. В более поздней статье он, несколько развивая ту же мысль, пишет: «Анализ культуры, проведенный до конца, приводит нас обратно к мышлению индивидуума»⁹. Таким образом выходит, что мышление, настроение и привычки индивидуума определяют социальный процесс.

Эти же идеи высказываются в трудах других американских этнографов, направление которых можно было бы назвать этно-психологическим. Поскольку культура, по их мнению, сверхорганична, существует только в архивах культуроведов и является абстракцией из их записей¹⁰, естественно, что изучать нужно не ее, а индивидуумов — творцов культурных типов. Поскольку привычки и настроение индивидуумов определяют состояние культуры, т. е. состояние общества, а изменения настроений и привычек вызывают общественные изменения,— необходимо сосредоточить все внимание ученых на изучении этих привычек и настроений. Но это уже оказывается областью психологии. И вот этнологи обращаются к помощи психологов, призывают психологию к объяснению причин общественного развития. Чем определяются привычки и настроения индивидуумов, что вызывает их изменения, которые определяют изменения в культуре? Ответы на эти вопросы этно-психологи ищут и надеются найти в результатах психоанализа, проведения психологических тестов, в изучении нормального и патологического поведения индивидуумов. При этом признается, что ряд социальных проблем может быть объяснен различного рода психологическими расстройствами, явлениями психоза и пр. Психология возводится в науку, призванную объяснить историю общества. Психология, по мнению Сэпира, даст ответ на основные проблемы социальной науки¹¹. «В области психологии лежит абсолютная реальность из области культуры»,— пишет Дю Буа¹². Этнография подменяется психологией; признается, что психология и этнография изучают одно и то же, но называют это различными именами. Вновь поднят вопрос о необходимости изучения универсальности концепций Фрейда для объяснения общественных явлений.

На практике распространение такого рода взглядов привело к тому, что изучение и описание культуры индейских племен почти оставлено. Результат, совершенно противоположный тому, что было сделано школой Боаса. Единичные ученые, продолжающие заниматься культуроведением, по свидетельству Меггера¹³, встречаются осуждение и упреки в старомодности. Главное внимание перенесено на изучение психики представителей индейских племен, на изучение отдельных личностей путем применения различного рода психологических тестов¹⁴, собирание автобиографического материала и других данных, свидетельствующих о поведении изучаемого индивидуума. Организуется ряд комплексных экспедиций этнографов и психологов, этнографов и психиатров, ибо этнографы, взявшись не за свое дело, оказываются беспомощными в собирании и особенно в интерпретации собираемого ими психологического материала.

⁵ E. Sapir, The contribution of psychiatry to an understanding of behavior in society, «American Journal of Sociology» 42, 1937, pp. 869—870.

⁶ R. Linton, The study of man, New York, 1936, p. 464.

⁷ R. Linton, Psychology and anthropology, «Journal of Social Psychology», 1940, p. 125.

⁸ A. Goldenweiser, Why I am not a marxist, «The modern monthly» 9, 1935, p. 75.

⁹ A. Goldenweiser, History, psychology and culture, New York, 1933, p. 59.

¹⁰ M. E. Opler, The psychoanalytic treatment of culture, «Psychoanalytical review», 22, 1935, p. 155.

¹¹ E. Sapir, Why cultural anthropology needs the psychiatrist, «Psychiatry» 1, 1938, p. 12.

¹² C. Du Bois, Some psychological objectives and techniques in ethnography, «Journal of Social Psychology» 8, 1937, p. 286.

¹³ B. Meggers, Recent trends in american ethnology, «American Anthropologist» 48, 1946, 2, p. 186.

¹⁴ Особенно популярно проведение тестов на чернильные пятна по методу швейцарского психиатра Форзаха. В Америке опубликован ряд работ о значении метода Форзаха для изучения личности и культуры.

В результате публикуются совместные труды или труды этнографов с участием психiatров и психологов. Таковы, например, работы Линтона, Дю Буа, Халлоуела и др., в которых в интерпретации своих материалов авторы полагаются на Абрама Кардинера и других психиатров. Ряд работ посвящен общим вопросам о влиянии нормальной и патологической психологии на культуру. Делались попытки объяснить культуру в целом или некоторые из ее сторон принципами психологии (Бенедикт, Мид и др.)¹⁵. Появились работы под такими заголовками, как «Культура и умственное расстройство» Халлоуела¹⁶, «Антропология и аномальность» Бенедикт¹⁷, «Примитивное изготовление глиняных горшков как проявление психологии гончарства» Дарлингтона¹⁸, «Индивидуум и его общество; психодинамика первобытной социальной организации» Кардинера,¹⁹ «Психопатические направления в культуре» Агинского²⁰ и др. Много работ в этом же духе, продолжает выходить в Америке и по сей день и занимает видное место на книжном рынке. Прекрасную библиографию этой литературы дает в своей статье Меггерс.

Оценивая значение психологического направления, уведшего науку от изучения культуры в области психологизма, психоанализа, психиатрии и пр., и Лесли Уайт и Бетти Меггерс единодушно заявляют, что это регресс в этнографической науке. «Развитие от культорведения к психологии,— пишет Уайт,— которое мы наблюдаем сегодня в американской этнографии, является определенным регрессом в истории науки с более высокой ступени на более низкую». Уайт называет этот период господства психологического направления «мрачным веком в истории антропологии, веком психологии и тестов на чернильные пятна»²¹. Упомянутая выше статья Меггерс знаменательна тем, что является одним из первых критических обзоров этих течений в американской этнографии, в котором автор указывает на всю пагубность такого господства психологического направления в науке. Отправным пунктом статьи является краткий исторический экскурс в прошлое американской этнографии, к Моргану, Мэтьюсу и Мак-Ги. Автор указывает, что это было лучшее время в истории науки, когда ученые считали своей главной целью объяснение наблюдаемых ими социальных явлений, когда господствовало «подлинно научное отношение к явлениям и изучаемым фактам». Это был первый этап в истории американистики, сменившейся господством школы Боаса, которая отвергала и критиковала все то, что было сделано Морганом и его современниками. Старейшим и имеющим наибольшее значение из современных течений автор считает то психологическое направление, которое начало входить в особую моду с 1925 г. Автор прослеживает историю этого направления с 1900 г., с трудов Боаса, Лоуи, Уислера и Хокарта, в которых был впервые поднят вопрос о взаимосвязи между психологией и социологией, этнологией и психологией. Во всех этих работах психология трактовалась как вспомогательное средство, которое может быть привлечено к объяснению некоторых культурных явлений, но не больше. Авторы строго разграничивали области исследования психологии и этнологии. Эта позиция совершенно изменилась после выхода в свет в Англии работ Малиновского, Джонса, Зелигмана и Гловера, поднявших вопрос о решающей роли психоанализа в изучении культуры. Первыми в Америке откликнулись на эти работы Сэпир, Мид, Оплер, утверждавшие необходимость объяснения культурных явлений методом психоанализа. Особое влияние (в смысле числа приверженцев и публикаций) это течение начало приобретать с 1937 г. Автор дает краткий разбор работ сторонников этого направления. Главный порок этого направления Меггерс видит в «пренебрежении областью культуры», почему и считает его регрессом для этнографической науки. «Антропология,— пишет Меггерс,— развилась в совершенно иную науку, чем это предвидели Морган и Мак-Ги». По мнению Меггерс, психологическое направление явилось своеобразной реакцией против школы Боаса, которая своим отрицанием возможности обобщений привела этнографическую науку в тупик.

Посвятив в основном свою статью психологическому направлению, Меггерс указывает и на другие, меньшего значения, течения в современной американистике. Таковы: движение за изучение аккультурации, этнографическое изучение современного

¹⁵ R. Benedict, Psychological types in the cultures of the Southwest, «Proceedings of International Congress of americanists», 1930, pp. 572—581; Configurations of culture in North America, «American Anthropologist» 34, 1, 1932; Patterns of culture, N. Y., 1934; M. Mead, Researches in Bali, 1936—1939, «Transactions of the N. Y. Academy of sciences» 2, 1939, pp. 24—31.

¹⁶ A. I. Hallowell, Culture and mental disorder, «Journal of abnormal and social Psychology», 29, 1934.

¹⁷ R. Benedict, Anthropology and abnormal, «Journal of General Psychology» 10, 1934.

¹⁸ H. S. Darlington, The primitive manufacture of clay pots; an exposition of the psychology of pot-making, «Psychoanalytical Review» 24, 1937.

¹⁹ A. Kardiner, The individual and his society; the psychodynamic of primitive social organisation, New York, 1939.

²⁰ B. W. Aginsky, статья в журнале «Charakter and Personality» 7, 1939.

²¹ Leslie White, «American Anthropologist» 48, 1946, N 2, pp. 85, 87.

общества, развивающееся под влиянием взглядов старого психологического направления. Ионльский и Калифорнийский университеты стали центрами культуроведческого движения, целью которого является изучение распространения культурных элементов и составление обзора культур в мировом масштабе. Большое внимание за последнее десятилетие было уделено также изучению права, воспитания и экономики в первобытных обществах. За годы войны было напечатано ряд научно-популярных статей виднейших этнографов США по вопросу о расе. Все эти направления не имеют, однако, большого значения сейчас, и сторонники их насчитываются единицами, они не популярны на фоне влияния психологического направления, которое является наиболее пагубным для развития американистики как науки. Несомненно, однако, что это — временное и преходящее явление в науке. Психологическое направление само себя изживает, и наука оправится со временем от пагубного влияния идей его сторонников. Таково оптимистическое мнение Уайта и Меггерс. «И когда она (антропология — Ю. А.), — пишет Уайт, — оправится, она вновь обратится к культуре как особому классу явлений. Антропология станет культуроведческой наукой, а не психологической или психиатрической дисциплиной. Культура будет интерпретироваться условиями культуры, а не как простая «абстракция» или совокупная эманация отдельных личностей. Она будет рассматривать отдельные аспекты культуры во времени и пространстве, будет рассматривать ее как целое. И наука проследит эволюцию культуры от ее истоков до сегодняшнего дня... Осуществление этого не явится чем-то новым для антропологии. Это будет просто продолжением работы, начатой такими «до-боасовцами», как Тэйлор и Морган, и людьми, подобными Дюркгейму, которые были вне влияния Боаса». Уайт выражает здесь мысли и надежды прогрессивной части американских ученых, видящих в возврате к Моргану единственный выход из тупика, в котором оказалась их наука.

Ю. Аверкиева

ОТ РЕДАКЦИИ

Так называемое «психологическое направление» в современной американской этнографии и социологии, о котором дает некоторое представление обзор Ю. Аверкиевой, представляет собой не только псевдонаучное и сумбурное, но и ярко реакционное явление. Нет сомнения, что некоторыми своими сторонами это направление прямо переходит в расизм, что, быть может, и остается неясным для самих представителей этого течения в Америке. Приятно отметить, что среди американских этнографов нашлись уже здравомыслящие люди, выступившие с протестом против этого извращения науки. Редакция «Советской этнографии» с своей стороны имеет в виду вернуться к настоящей теме и дать развернутую оценку этого «этно-психологизма».

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИИ

Л. С. Берг, *Всесоюзное географическое общество за сто лет*, Академия Наук СССР, Научно-популярная серия, М.—Л., 1946, 261.

Книга президента Всесоюзного географического общества, академика Л. С. Берга вышла в свет в связи со столетним юбилеем Географического Общества. 7/19 октября 1945 г. в Петербурге в большом конференц-зале Академии Наук состоялось первое общее собрание членов Русского географического общества.

Каждая юбилейная дата в жизни Общества порождала труд, посвященный его истории и подводивший итоги работы Общества за определенный период. В связи с 25-летием в 1872 г. появилась книга П. П. Семенова, Л. Н. Майкова, А. Б. Бушена, А. И. Артемьева и Л. Н. Броссе «Двадцатипятилетие Русского Географического Общества» (СПб., 1872, 260 стр.). В 1896 г. был опубликован капитальный труд вице-председателя Общества П. П. Семенова «История полувековой деятельности Русского Географического Общества, 1845—1895» (3 части, XXX + 1377 + 66 стр.). Книга Л. С. Берга — третья по счету юбилейная история Общества, охватывающая работу Общества за сто лет.

Нельзя не приветствовать появление этого труда. Научные заслуги Географического общества в различных областях географической науки, а также в таких отраслях знания, как этнография и статистика, настолько хорошо известны, имена таких деятелей Общества — крупнейших русских путешественников, как Н. М. Пржевальский, Н. Н. Миклухо-Маклай, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и др., настолько популярны, что, бесспорно, книга о столетней истории Общества будет прочитана не только специалистами, но и каждым культурным человеком.

Книга написана одним из старейших членов Географического общества (с 1904 г.),